

Психологические науки

УДК 159.9

С.В. Бошук

Бошук Сергей Викторович, педагог-психолог МКУ РЦ «Детство» (Краснодар, ул. Октябрьская, 120), e-mail: sergeyboshuk2006@rambler.ru

СКУЛШУТИНГ КАК НОВАЯ УГРОЗА ШКОЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме скулшутинга, стрельбы в учебном заведении. Анализируются причины и механизмы формирования намерения устроить массовый расстрел. Несмотря на отсутствие алгоритма выявления потенциального скулшутера, существуют общие закономерности, указывающие на возможное формирование данного вида девиации. Раскрыты основные принципы профилактической работы с подростками, рискующих примкнуть к субкультуре скулшутеров.

Ключевые слова: скулшутинг, скулшутер, атрибутика, последователи, буллинг, вовлеченность в деструктивное движение, профилактика.

S.V. Boshuk

Boshuk Sergey Viktorovich, educational psychologist of the Municipal budget organization Resource centre «Detstvo» (120, Oktyabrskaya st., Krasnodar), e-mail: sergeyboshuk2006@rambler.ru

SCHOOLSHOOTING AS A NEW THREAT TO SCHOOL SAFETY: A PSYCHOLOGICAL ASPECT

The article is devoted to the problem of schoolshooting, shooting in an educational institution. The reasons and mechanisms of the formation of the intention to arrange a mass execution are analyzed. Despite the absence of an algorithm for identifying a potential school-shooter, there are general patterns that indicate the possible formation of this type of deviation. The basic principles of preventive work with adolescents at risk of joining the subculture of school shooters are revealed.

Key words: schoolshooting, schoolshooter, accessories, followers, bullying, involvement in a destructive movement, prevention.

Скулшутинг (schoolshooting) – это вооруженное нападение учащегося (реже – постороннего человека) на школьников внутри учебного заведения. Как правило, скулшутинг выражается в массовом расстреле. Для его совершения характерно применение не только огнестрельного, но и холодного оружия, взрывчатых веществ, бит и т.п. В соответствии с этим, основными опасностями скулшутинга являются: покушение на убийство, убийство, в т.ч. массовое, поджог и подрыв, самоубийство [4, с. 28–32].

Своеобразным символом скулшутинга стала школа «Колумбайн» в США, в которой в 1999 году произошло первое в современном понимании вооруженное нападение двоих учеников на своих одноклассников. У нападавших – Э. Харриса и Д. Клиболда – появились последователи, вдохновленные их деянием. Не обошла эта напасть и Россию: несмотря на то, что субкультура скулшутинга пришла в нашу страну только в 2017 году, распространяется она с высокой скоростью. А первый инцидент, связанный со стрельбой в школе, но не являющийся «чистым» скулшутингом, произошел в

2014 году в Москве. Из последних громких случаев следует выделить массовый расстрел в казанской школе (май 2021 года) и в пермском университете (сентябрь 2021 года).

Основным признаком скулшутинга является то, что стрелок учиняет расправу над людьми, которые не были его первоначальной целью. Данный признак создает ощущение иррациональности произошедшего – для него используют отдельный термин – Rampage School Shooting («школьные расстрелы в приступе безумства») [1, с. 65–66]. Преступнику важно не то, кто станет жертвой, а передача сообщения или заявления окружающим через расправу.

Для совершения преступления такого крупного масштаба подросток должен находиться в особом состоянии, которое обусловлено влиянием внешних и внутренних причин. К внешним относятся: отсутствие должного внимания родителей к подростку, ссоры с членами семьи, трудности в общении, конфликты со сверстниками и педагогами, буллинг (в т.ч. мнимый, вымышленный), смерть родственников и друзей, интерес и доступ подростка к оружию, к сайтам и пабликам, пропагандирующим идеологию насилия и экстремизма, в частности, скулшутинга. К внутренним причинам совершения скулшутинга относятся: депрессивное состояние, внушаемость и ведомость, психические отклонения, желание мести, расправы, сведения счетов. При совокупности этих факторов триггером для совершения скулшутинга могут стать СМИ, видеоконтент, социальные сети. Все факторы, действующие на готового к совершению скулшутинга подростка, оказывают пролонгированное влияние, т.е. от замысла устроить расправу к реализации этого замысла он переходит не сразу, ему требуется время на планирование и организацию преступления.

Полного психологического портрета скулшутера пока не существует, как и алгоритма обнаружения потенциальных массовых убийц, поэтому нельзя

предсказать место и время следующего подобного инцидента. Однако прослеживаются общие закономерности и черты, поскольку, в отличие от других преступлений, акт скулшутинга выглядит одинаково везде, независимо от места и времени свершения. И эту особенность ему обеспечивает сам преступник: замкнутый, неуверенный в себе юноша 14–20 лет, испытывающий проблемы с самореализацией, расстреливает попавших на глаза людей в учебном заведении и обычно заканчивает жизнь самоубийством [2].

У потенциальных скулшутеров можно выделить некоторые общие черты: например, подверженность школьной травле, в т.ч. мнимой, когда собственные фантазии об обидах на других людей становятся оправданием планируемой расправы; аутсайдерство в коллективе, «инаковость», замкнутость, тяга к одиночеству; тревожность, конфликты с окружением, депрессивность; чувство мизантропии, социопатии, неприятие физической ласки и заботы от близких людей. При этом они – выходцы из благополучных семей, довольно хорошо учатся, имеют благоприятную репутацию типа «хороший, тихий мальчик», кажутся спокойными и безобидными. И если эти подростки говорят о желании напасть на школу, о мести, всерьез это никто не воспринимает. Ввиду того, что они еще и страдают от комплекса неполноценности, фрустрированности и чувства собственной недооцененности обществом, такие «сглаживающие» оценки только подпитывают их желание устроить расправу, став таким способом значимыми и услышанными. Так скулшутинг становится актом возмездия, восстановления справедливости, возведения себя в ранг героя, Бога, решающего судьбы людей.

Согласно патопсихологическому подходу, описанному в западной научной литературе, преступники делятся на три типа: психопаты, психотики и травматик [4; 6]. Психопаты не испытывают чувство вины, но ощущают садистическое наслаждение от причинения страданий другим; психотики страдают от разрыва с реальностью и чувствуют себя изгнанниками;

травматики зачастую являются жертвами какого-либо насилия. При этом речь не идет о психических расстройствах или невменяемости скулшутеров, ведь их нападению на учебное заведение предшествует длительная сознательная подготовка и выполнение обычной социальной деятельности (самообслуживание, учеба).

Приверженца скулшутинга можно опознать по специфической символике и атрибутике, среди которой многое будет связано с историей Э. Харриса и Д. Клиболда, а также их последователями. Сюда относятся особенности внешнего вида (белые или черные футболки с надписями Wrath, Natural Selection, длинный черный плащ, перчатки без пальцев, нашивки), характерные интересы (тема скулшутинга, убийств, насилия, сочувствие убийцам и маньякам, интерес к оружию и его изготовлению, добыче), характерное поведение и социальные отклонения (подражание скулшутерам, участие в ролевых играх, касающихся тем скулшутинга, насилия, распространение материалов о скулшутинге, малое количество друзей или их отсутствие, признаки депрессии и суицидального поведения, склонность к насилию, экстремизму, угрозы убийством и нападением на школу), лингвистические признаки (использование в речи характерных слов и словосочетаний, ключевых фраз, сленга поклонников скулшутеров и убийц).

Профилактическая работа в области предотвращения случаев скулшутинга должна быть направлена на психосоциальную работу с обучающимися, которая позволит обнаружить предпосылки будущего преступления. Следует помнить и о том, что внимание школьных специалистов в контексте профилактики скулшутинга должны привлекать именно малозаметные, тихие подростки со средней успеваемостью, которые чаще всего упускаются из виду.

К рекомендуемым профилактическим мероприятиям в школе мы можем отнести:

– лекции и беседы с учениками на тему вооруженных нападений в учреждении, а также о мерах защиты;

– лекции и беседы для учителей, практические занятия по защите обучающихся в случае скулшутинга;

– родительские собрания, на которых следует рассказать о том, как хранить оружие в доме, если оно имеется, к каким последствиям может привести умение ребенка обращаться с оружием, особенно если он испытывает к нему нездоровый интерес;

– круглый стол, где подростки могли бы высказать свое мнение по теме скулшутинга;

– составление памяток для участников образовательного процесса;

– приглашение специалистов (психолога или сотрудника полиции), которые расскажут о проблеме скулшутинга с позиции своей компетентности.

Если подросток проявляет признаки вовлечения в деструктивное движение, то необходимо:

1) Поддержать его, исключив возможность борьбы и противостояния с администрацией школы;

2) Выработать процедуры борьбы с травлей, если они еще не выработаны, и оказать грамотную помощь жертве буллинга.

3) Выработать процедуру «присоединения». При обнаружении признаков участия в деструктивном движении не следует насильно переубеждать подростка, а необходимо без осуждения и угроз узнать, почему подростку нравится это движение, что он ожидает получить от него. На втором шаге устанавливаются существующие ресурсы, способные помочь подростку решить его проблемы и удовлетворить потребности. Помощь подростку должна быть оказана с позиции сопровождающего, а не с позиции обвиняющего и контролирующего. Если подросток демонстрирует высокую готовность к

совершению деструктивного деяния, его необходимо изолировать от других учеников и привлечь компетентных специалистов [3, с. 36–38].

Таким образом, профилактика скулшутинга является сложной и тонкой работой, начиная от диагностики, наблюдения информирования потенциальной группы риска до коррекционной работы с ее участниками и уменьшения деструктивных тенденций в их поведении.

Список используемой литературы:

1. *Давыдов, Д. Г.* Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика / Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 4(32). – С. 62–76.
2. *Карпов, В. О.* Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах / В.О. Карпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 442–446.
3. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. Серия «Цифровая гигиена: молодежь в сети» / Крибрум. – Москва: АО «Крибрум», 2019. – 40 с.
4. *Langman, P.* Rampage school shooters: A typology // Aggression and Violent Behavior. – 2009. – № 14(1). – P. 79–86.
5. *Paolini, A.* School shootings and student mental health: Role of the school counselor in mitigating violence // Vistas Online. – 2015. – №. 90. – P. 1–15.
6. *Wike T. L.* School shootings: Making sense of the senseless / T.L. Wike, M.W. Fraser // Journal of Aggression and Violent Behavior. – 2009. – № 14. – P. 162–169.